

Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 3 (149). С. 57–63.
Izvestiya of Altai State University. 2026. No 3 (149). P. 57–63.

Научная статья
УДК 39(=511.131)
ББК 63.5(=664.1)
[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-07)

Понятие «голова» в традиционной культуре удмуртов

Татьяна Николаевна Русских

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Ижевск, Россия,
tatyana_russkih@mail.ru

Original article

The Concept of the “Head” in Traditional Udmurt Culture

Tatyana N. Russkih

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Izhevsk, Russia, tatyana_russkih@mail.ru

Аннотация. В данной статье на основе анализа удмуртского фольклора, полевых материалов автора, содержащих бытующие представления и поверья, связанные с удмуртским телесным кодом, рассматриваются семантика и функции головы в традиционной культуре удмуртов. Представленные материалы свидетельствуют о том, что голова в традиционной культуре удмуртов являлась олицетворением жизни и смерти, ума и безумия, здоровья, красоты и главного ориентира в повседневной жизни. Будучи «верхней» частью человеческого тела, голова сопоставляется с высшим миром верховных божеств. Вместе с тем она представляет собой наиболее уязвимую часть тела для воздействий нечистой силы. В лечебной и хозяйственной магии, в народной медицине ей уделяют особое внимание. Материалы, представленные в пословицах, поговорках, народных афоризмах, поверьях, регламентирующих запреты и предписания, дают возможность осмыслить значение головы в семейно-бытовой обрядности, проследить происхождение и современное бытование отдельных норм поведения, связанных с этой частью тела.

Ключевые слова: традиционная культура, удмурты, тело, телесный код, голова

Для цитирования: Русских Т.Н. Понятие «голова» в традиционной культуре удмуртов // Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 3 (149). С. 57–63. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-07).

Abstract. This article examines the semantics and functions of the “head” in traditional Udmurt culture. The study is based on an analysis of Udmurt folklore and the author’s field materials, which include current beliefs and notions related to the Udmurt body code. The findings demonstrate that in traditional Udmurt culture, the “head” served as a personification of life and death, reason and madness, health, beauty, and a key reference point in everyday life. As the uppermost part of the human body, the “head” is associated with the higher world of the supreme deities. At the same time, it is considered the most vulnerable part of the body to the influence of evil spirits. Special attention is paid to the “head” in folk medicine, as well as in healing and household magic practices. Materials drawn from proverbs, sayings, folk aphorisms, and beliefs that regulate taboos and instructions provide insight into the significance of the “head” in family and domestic rituals. They also allow us to trace the origins and contemporary persistence of specific behavioral norms associated with this body part.

Keywords: traditional culture, Udmurts, body, body code, head

For citation: Russkih T.N. The Concept of the “Head” in Traditional Udmurt Culture. *Izvestiya of Altai State University*. 2026. No 3 (149). P. 57–63. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-07).

Изучение места тела и телесного кода в традиционной культуре удмуртов является актуальной проблемой исследования. С одной стороны, оно помогает раскрыть механизмы этнической идентичности, глубже понять процессы самовосприятия и социального поведения представителей этноса, социальную, гендерную и возрастную иерархию, с другой стороны — сохранить уникальность культуры этноса, зафиксировать и интерпретировать уходящие традиционные представления.

В научной литературе тема телесного кода удмуртов пока не получила специализированного научного осмысления, но упоминание о ней встречается в контексте изучения мифологии, верований, семейно-обрядовой и коммуникативной культуры удмуртов. В рамках работ, изучающих традиционные верования, реконструирующих религиозно-мифологическую картину мира удмуртов, представления о телесности воспроизводятся сквозь призму ритуалов и регламентаций, выработанных многовековой историей язычества [1, 2]. Так, например, ритуалы предписывали соблюдение телесной чистоты, обязательное ношение головного убора жрецом, а также жертвоприношение богам и предкам жизненно важных частей тела животного — головы и ног [1, с. 110, 112].

В процессе изучения удмуртского фольклора главной задачей Т.Г. Владыкиной была его систематизация, выявление жанровой эволюции. Но собранный исследователем фольклорный материал является живой иллюстрацией телесного кода, бытующего в традиционной культуре удмуртов [3, 4, 5].

В трудах Л.С. Христолюбовой представления о телесности и телесном коде удмуртов можно проследить на примере описания семейной и календарной обрядности [6, 7]. Так, представления о голове как руководящей части человеческого тела нашли отражение в выборе во время свадьбы *сюан йыр* (букв. свадебная голова) — старшего свата, который отвечал за успешный привоз невесты в дом жениха, за поведение на свадьбе всех поезжан [6, с. 15]. Противопоставление телесного верха как сакрального, чистого и низа, связанного с хтонической сферой, можно проследить на примере текстов свадебных песен: *Жеч ке верамы, йыр йылады жутэлэ, урод ке — пыд улады лёгалэ* (Коли доброе скажем, вознесите над головою, худое скажем — ногою придавите) [7, с. 22].

Телесно-пространственное поведение является одной из составляющих коммуникативного поведения. В этом русле традиционные телесные практики повседневности были представлены в трудах исследователей Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН [8]. Восприятие современными удмуртами телесного кода в сакральной сфере, опосредующей взаимодействие между миром живых и миром мертвых, частично можно про-

следить в трудах Н.В. Анисимова [9]. В монографии Т.И. Паниной некоторые сведения об удмуртском телесном коде освещаются посредством народной медицины и заговорно-заклинательной практики [10]. Телесно-пространственное поведение в повседневном общении современных удмуртов, его семантическое наполнение можно вычленивать в работе Т.Н. Русских [11]. Анализ единиц языка и вербальных текстов, в том числе отражающих некоторые телесные представления удмуртов, можно встретить на страницах монографии Т.Р. Душеновой [12].

В связи с этим целью настоящего исследования стало выявление знаковой семантики и функции головы как элемента телесного кода в традиционной культуре удмуртов. В данной статье на основе полевых материалов автора, собранных в ходе этнографических экспедиций по населенным пунктам Удмуртии в 2003–2020 гг., анализа фольклорных материалов и научной литературы рассмотрены семантика и функции головы в традиционной культуре удмуртов.

Восприятие человеческого тела в традиционной культуре этноса во многом обусловлено мифологическими воззрениями, бытующими народными суевериями, укоренившимися этническими стереотипами. Особое место в этой системе воззрений занимает голова. Являясь средоточием разума и органов чувств (зрение, слух, вкус), в мифологии и фольклоре она наделяется особым статусом части тела, связанной с верховными божествами, выполняет знаковые функции в повседневной и ритуальной сферах жизни.

Голова (*'йыр'*) — главная верхняя часть человеческого тела, с которой связаны представления об уме и безумии, жизни и смерти. В удмуртских загадках о человеке данная часть тела чаще всего ассоциируется с объемными и шарообразными предметами: клубок, чурбан, горшок, шар. *Одйг пуклэ бордын сизьым усьто* (бук. 'на одном чурбане семь дыр'), *юбо вылын вышкы, вышкы вылын гөршок, гөршок вылын куро, куро пушкын парсь* (бук. 'на столбах кадушка, на кадушке горшок, на горшке солома, в соломе свиньи') [4, с. 40, 42]. Удмуртские пословицы демонстрируют главенство головы в жизни человека: *Жазег бурдызлы оске, адями — йырызлы* (бук. 'гусь надеется на крылья, человек — на голову/разум'), *ужа ки, косэ йыр* (букв. 'работают руки, голова повелевает'), *сюлэмен гинэ улоно өвёл, йырын но улоно* (бук. 'не только сердцем, но и умом жить нужно'), *кыллэн серметеэз — йыр* (букв. 'для языка узда — голова'), *пересьлэн йыр ужа, но пыд уг мын* (букв. 'у старика разум ясен, да ноги не идут'). Негодование по поводу непослушания детей выражается фразой — *йырлэсь пель ортчэм* (букв. 'уши опередили голову') [5, с. 25, 57, 70, 136], которая подчеркивает отсутствие осознанности в совершаемых ими поступках. Таким образом,

согласно удмуртской житейской мудрости, чувства, эмоции, слова, произносимые во время разговора, поведение — все должно подчиняться голове, которая является средоточием разума. Об ассоциации головы с разумом и мудростью свидетельствует и удмуртская вербальная лексика: об умном человеке говорят *визьмо йыр* (букв. 'умная голова'), память, мудрость обозначают термином *йырсазь* (букв. 'ясность головы'), напротив, о человеке, выжившем из ума, — *йырсазь-зэ ышитиз* (букв. 'потерял ясность головы') [13, л. 7].

Ассоциативная связь между головой и жизнью прослеживается на примере образа мифологического существа — *йыр-лул сётись* (букв. 'дарующий голову, душу'), к которому обращались с умопросьбами о даровании здоровья новорожденному [9, с. 158].

Наряду с этим имеющие отрицательную коннотацию термины «проблема», «злость» и «преступление» также обозначаются посредством термина «голова»: *йыр висытон / йыр кыль* (букв. 'то, что заставляет голову болеть' / 'головная боль', аналог. рус. проблема), *йыркурьяськон* (букв. 'то, что выскребли из головы', аналог. рус. злость), *йыруж* (букв. 'работа головы', аналог. рус. преступление, злодеяние). Смерть, самоубийство переводится буквально, как ликвидация головы: *йырыз бырыз* (умереть) / *йырез быдтыны* (совершить самоубийство) [13, л. 7].

Голова соотносится с верхней, божественной частью мироздания, противопоставляется ногам, что отчетливо можно проследить в обрядовых песнях, молитвах и пожеланиях. Голова связана с *Инмаром* — главным божеством удмуртов:

Осто гинэ Иньмаре но Бадӟым гинэ Иньмаре!

Уродӟёссы — пыд уламы, Зечӟёссы — йыр йылэ!

(Добрый наш Боже да Великий Боже!

Плохое — под ноги, хорошее — над головой!) [3, с. 73–74].

Согласно представлениям удмуртов, правильной, красивой формой головы считается округлая — *быгылес йыр* (букв. 'круглая голова'). Поэтому правке головы новорожденного уделяли особое внимание. Считалось, что в процессе родовой деятельности его голова деформируется. Но благодаря пластичности тела новорожденного во время купания в бане ей можно было придать нужную округлую форму с помощью поглаживаний: «*Тани пичи пиналлэн вордскем бераз йырыз быгылес уг луы ук, всё равно со кыче ке но пачкес луэ-а мар-а. Мунчое пыртыкузы тани тазыы маялляло ни вал йырзэ. Мамез-а, гогы-мумы-а маялля вал, кин пыртэ со. Маяллякуз шуо вал пиналылэн мед, пе, йырыз быгылес, чебер луоз, йырыз мед визьмо луоз. Кин кызьы вера вал. А али дыре озьы у гик выро особо. Мунчое всё равно пырто ик, но куинь нунал уг ни ёсто мунчозэс. Кулэ ке, соку гинэ пырто*» ('После рождения голова ребенка не бывает округлой, все равно она бывает немного приплюснутой. Когда в бане

моют, вот так вот поглаживают голову ребенка. Либо мама, либо бабушка-повитуха; кто купал, тот так делал. Во время поглаживаний произносили пожелания, чтобы у моего ребенка была голова округлая, красивая, голова, чтобы умная была. Кто как говорил. Сейчас так уже и не делают. В бане-то все равно моют, но три дня уж баню не топят. По мере надобности водят в баню») [13, л. 24]. «*Азьвыл кудиз пиналлэн йырыз воксё урод ке луэ вал, сое азьло гогы-мумы юри кышетэн думылылэз, мед, пе, со быгылес луоз*» ('Раньше, если у ребенка совсем плохая голова была, бабушка-повитуха специально перевязывала платком, чтобы она стала круглой формы') [11, л. 47]. Подобную практику можно встретить в культуре других финно-угорских народов Урало-Поволжья — марийцев, мордвы [13, с. 88, 90].

По форме головы определяли и здоровье ребенка. Если голова была крупная в сравнении с телом, ребенок плохо рос и постоянно плакал, о таком говорили *сюсетка воштэм / воштэм / сьодун* (бук. 'подмененный нечистой силой / подменный / рахитик'; аналог. рус. подменыш). Верили, что новорожденного, оставленного без присмотра, мог подменить *Шайтан*, *Коркакүзэ* (домовой), *Мунчокүзэ* (банник). Таких детей «перепекали»: укладывали на хлебную лопату и делали вид, что помещают в печь. Обряд «перепекания» — возвращения настоящего ребенка — символизировал «переделку» его тела посредством «перерождения», а также дополнялся мотивом ритуального обмана, который, согласно поверьям, должен был напугать нечистую силу и подвигнуть ее на возвращение украденного ребенка [10, с. 165]. Во избежание подмены в люльку у головы ребенка клали железные предметы. Эти предметы оставались там до прорезывания первых зубов. С появлением зубов ассоциировалось прибавление жизненной силы и обретение способности оказывать сопротивление негативным воздействиям со стороны потустороннего мира. Защита новорожденного от негативного воздействия потусторонних с помощью металлических предметов была распространенной практикой среди финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья. У мордвы с этой целью использовались ножницы, которыми повитуха отрезала пуповину [14, с. 91]. У марийцев, перед тем как оставить ребенка одного, было принято обводить каким-либо железным предметом. Кроме того, перед тем как положить ребенка в люльку, повитуха клала несколько печеных яиц, одно из которых забирала сама, а остальные — близкие родственники ребенка. Возможно, смыслом обряда было пожелание новорожденному обеспеченной жизни [14, с. 91]. У башкир и татар многие магические действия, связанные с сохранением здоровья и благополучия, совершались над головой [15, с. 257; 16, с. 70].

Голова оставалась объектом пристального внимания на протяжении всей жизни человека. Бытовало

поверье, что через рот во время сна или после смерти выходит душа, а также может проникнуть нечистая сила. Так, в одной из удмуртских легенд, зафиксированных Б. Мункачи, во время сна душа человека в виде ласки покидает тело через рот, а потом вновь возвращается [17, р. 47–48]. Согласно поверьям башкир и татар, местом обитания души в человеческом теле является голова [18, с. 113; 19, с. 277]. Как и у финно-угорских, так и тюркских народов Урало-Поволжья распространенной практикой было поить умирающего водой, сопровождая это действие прочтением молитв, или ставить во время смертной агонии в изголовье умирающему чашку с водой и вешать чистое полотенце, полагая, что после выхода из тела душа омоется и оботрется после омовения [9, с. 176; 14, с. 127; 16, с. 155].

Считалось, что нечистая сила могла проникнуть через рот в тело человека во время чихания. Во избежание этого у старообрядцев, проживающих по соседству с удмуртами, принято было при чихании осенять рот крестным знаменем [13, л. 10]. У удмуртов в этом случае оберегом служила фраза: «*Прис гур вылад! Кочыш сйть ныр улад!*» (Брысь на свою печь! Кошачьи экскременты тебе под нос!) [13, л. 11]. Согласно мифологическим представлениям удмуртов, экскременты, являясь маргинальными субстанциями организма, обладают магической силой, способной как нанести урон человеку, так и защитить его от нечистой силы.

Именно расположение головы было решающим при выборе места для сна. Так, у мордвы, марийцев и удмуртов новорожденных принято было укладывать головой в сторону красного угла [20, с. 253; 14, с. 88]. Считалось, что нельзя спать головой к двери, поскольку будут часто сниться кошмары, покойники. Но тот, кто хотел встретиться с умершим родственником, укладывался спать именно таким способом [13, л. 12]. Среди молодежи до сегодняшнего дня бытует поверье, что нужно положить учебник под подушку (под голову) перед сном, чтобы лучше запомнить материал, а если под подушку положить листочек мяты, то можно увидеть вещий сон [13, л. 52].

В лечебной магии, народной медицине голове так же уделяли особое внимание. К помощи знахарей, которые «правили» голову, обращались при частых головных болях, травмах головы: «*Мынам йыры ныр висьылэ вал. Деревнямы вань бабушмы, со доры ветлй йырме тупатыны. Со басма калэн мертаз йырме, маке керттылз. Таре радзэ уг ни пуктйськы, кызы со мар лэсьтйз. Ымам куртчытйз басмалэсь лэсьтэма валикез, зол вась ке, пе, луиз пиньыд но пырдоз, шуиз, со ник куртчыны косйз со валикез. Вось кад ой вал мынм, но йыры со тырысен висьыны уг ни висьы»* («У меня постоянно голова болела. В нашей деревне есть бабушка, к ней ходила голову поправлять. Она тесьмой измерила мне голову, что-то завязывала. Теперь уж и не помню точно, что она делала. Положила мне в рот валик

из ткани, когда будет очень больно, могут и зубы раскрошиться, сказала, поэтому заставила прикусить валик. Вроде бы и больно-то мне не было, но с тех пор голова болеть перестала») [13, л. 17]. Аналогичный обряд измерения головы осуществляли знахари коми. Посредством него они определяли степень смещения черепных костей — предполагаемой причины сильной головной боли, головокружения и рвоты [21, с. 193].

Во избежание сглаза ребенку на макушку головы, на темечко сыпали 2–3 крупинки соли. Разнообразные апотропеические манипуляции, которые были призваны уберечь от воздействия злых духов «*сиисьюисьёс*» (букв. ‘духи, поедающие и пьющие людей’), совершались также вокруг головы. Подобные практики встречались и у чепецких татар: для выведения злых духов обрызгивали лицо водой, расплавленное на печи олово лили над головой в сковороду [16, с. 70].

В хозяйственных магических практиках, бытующих среди удмуртов и сегодня, посредством манипуляций с головой пытаются повысить урожайность овощных культур. Например, при высадке рассады капусты или посадке картофеля в первую лунку опускают вниз головой того члена семьи, чья голова самая большая, чтобы овощ уродился соразмерно с его головой [22, с. 227].

Уделяли особое внимание расположению головы умершего во время похорон. Согласно данным Г.Е. Верещагина, в случаях эпидемического заболевания для прекращения болезни умершего выносили головой вперед [23, с. 81]. От расположения головы покойного также зависела и ориентация могил. В населенных пунктах, где захоронения производили головой на запад, считали, что в момент погребения «покойный должен видеть солнце», «покойный должен видеть восход солнца» и т.д. При погребении головой на восток полагали, что лицо покойного будет освещаться солнцем даже во время заката. Ориентируя покойного головой на север, считали, что погребенный будет все время смотреть на юг, на солнце [24, с. 13].

Согласно традиционным представлениям удмуртов, повреждение головы, отделение ее от тела влечет за собой смерть. В связи с этим отсутствие или половинчатость головы, ее гипертрофированный размер являются признаками представителей нечистой силы. В удмуртской мифологии есть антропоморфное существо-половинка — *палэсмурт*, враждебный человеку дух, который является обладателем половинчатой головы. В традиции удмуртов Закамья существует демонический персонаж без головы — *зыртэм кион* (‘безголовый волк’), а в Киясовском районе Удмуртии — *йыртэм кунян* (‘безголовый теленок’). Согласно поверьям они могут появиться после заката солнца во время сумерек и навредить детям, находящимся на улице без присмотра взрослых [9, с. 94]. Сумерки в мифологии удмуртов воспринимаются как опасный

период времени перехода от света ко тьме. Это время активизации нечистой силы, требующее от людей соблюдения определенных правил поведения: нельзя шуметь, проявлять активные действия, употреблять пищу, оставлять детей без присмотра. Любопытно в связи с этим сравнение с таким персонажем тюркской мифологии, как *Кисек баша* (досл. 'отрезанная голова'). Согласно тюркским мифологическим представлениям, голова является вместилищем души, а потому, даже отделившись от тела, она продолжает свое существование: плачет, отвечает на вопросы, поучает, пророчесствует, убивает своих врагов [19, с. 277]. В отличие от тюркских представлений, у удмуртов душа находится в животе, а через голову может покинуть тело во время сна или смерти.

Номинация головы часто встречается в бранных словах, проклятиях и наряду с этим во фразах, призванных отвести несчастья. В попытке оскорбить собеседника удмурты подчеркивают нетипичность его головы: *бадзым йыр* 'большоголовый', *мушкойыр* (букв. 'голова-лукошко', аналог. рус. тугодум), *гын йыр* (букв. 'войлочная голова', аналог. рус. рассеянный) [13, л. 4] и др. Проклятия представляют собой пожелания того, чтобы неведомая сила нанесла урон голове собеседника: *йырыд берлань мед позырскоз вал* ('пусть свернется твоя голова'), *йырдэ пуны мед сиёз* ('пусть твою голову съест собака') и др. В свою очередь, вербальные способы отвращения несчастья также касаются головы: *аслад йырад мед луоз* ('пусть это обрушится на твою голову'). Заверяя слова и доказывая, что обещанное будет выполнено, также клянутся своей головой: *коть йырма ванды* ('голову даю на отсечение') [13, л. 4].

Таким образом, в рамках данного исследования автором рассмотрены традиционные представления о голове, проанализирована связанная с ней семантика обычаев и обрядов, вербальная лексика повседневной коммуникации, поведенческие стереотипы.

Новизна работы заключается во введении в научный оборот материалов, собранных автором в ходе полевых экспедиций, в которых был выявлен современный комплекс представлений о человеческом теле, бытующий среди удмуртов. Согласно мифологическим представлениям и материалам фольклора, в вербальной лексике голова являлась важной частью тела человека, которая наделялась сакральным и символическим смыслом. Она являлась символом жизни, разума. Отсутствие головы, ее половинчатость или гипертрофированность размеров воспринимались как отличительный признак представителей враждебного человеку потустороннего мира. В отличие от представлений тюркских народов, голова у удмуртов не являлась местом обитания души, но имела «отверстие», через которое душа покидала тело, а следовательно, через него могла проникнуть и нечистая сила. Поэтому в традиционной культуре удмуртов существовали предписания и запреты, направленные на защиту головы от воздействий неблагоприятных сил. Голове уделяли большое внимание как при рождении, так и на протяжении всей жизни человека. Даже после смерти человека ориентация головы определяла расположение могил. Необходимо отметить, что некоторые поверья, связанные с головой, бытуют среди удмуртов и сегодня.

Сравнение представлений о голове, бытующих в среде удмуртского этноса, с представлениями этносов, проживающих на сопредельных территориях, дает возможность сделать вывод о том, что ее семантика и знаковые функции имели много перекликающихся и общих черт. Возможно, данное обстоятельство можно объяснить тем, что универсальность человеческой физиологии, схожие социально-экономические условия жизни, верования, длительные контакты формируют однотипные символические системы.

Библиографический список

1. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
2. Удмуртская мифология / науч. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: [б. и.], 2004. 193 с.
3. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики : монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 354 с.
4. Удмуртский фольклор: загадки = Удмурт фольк-лор: мадиськонъёс / сост. Т.Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 252 с.
5. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы, поговорки = Удмурт фольклор: визькыльёс, индылонъёс, мецькытъяньёс / сост., пер., введ. и коммент. Т.Г. Перевозчиковой. Устинов: Удмуртия, 1987. 274 с.
6. Христюлова Л.С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
7. Христюлова Л.С. Калык сямъёсты чакласа: дышетскисьёслы краеведения юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 с.
8. Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 189 с.
9. Анисимов Н.В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов : дис. ... д-ра философии по фольклористике. Тарту, 2017. 385 с.

10. Панина Т.И. Слово и ритуал в народной медицине удмуртов : монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 236 с.

11. Русских Т.Н. Коммуникативное поведение современных удмуртов. Ижевск: Изд-во «АлкиД», 2019. 268 с.

12. Душенкова Т.Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира : монография. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. 324 с.

13. Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН). РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. 55 л.

14. Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века — 1980-е годы). М.: Наука, 1997. 184 с.

15. Баязитова Р.Р. Традиционный этикет башкир: вторая половина XVIII — начало XX в. : дис. ...д-ра ист. наук. Уфа, 2025. 476 с.

16. Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX–XX вв.). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 300 с.

17. Munkacsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkacsi.

Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1952. 715 p.

18. Баязитова Р.Р. «Тело» в традиционном этикете башкир // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2022. № 4 (38). С. 11–120.

19. Закирова И.Г. Репрезентация мотива души в тюркской эпической традиции // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 275–279.

20. Мордовская мифология. Энциклопедия. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2020. 1020 с.

21. Мифология коми. М.: Издательство ДИК, 1999. 480 с.

22. Русских Т.Н. Поверья, приметы и магические практики в современном огородничестве северных удмуртов // Огород в народной культуре : коллективная монография. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2025. С. 223–233.

23. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 1995. 258 с.

24. Шутова Н.И. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов : сб. науч. трудов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН АН СССР, 1991. С. 4–34.

References

1. Vladykin V.E. *Religious and Mythological Picture of the Udmurt World*. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1994. 384 p. (In Russ.).

2. *Udmurt Mythology / scientific ed. by V.E. Vladykin*. Izhevsk: [s.n.], 2004. 193 p. (In Russ.).

3. Vladykina T.G. *Udmurt Folklore: Problems of Genre Evolution and Systematics*. The Monograph. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 354 p. (In Russ.).

4. *Udmurt Folklore: Riddles / comp. T.G. Perevozchikova*. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1982. 252 p. (In Russ., In Udm.).

5. *Udmurt Folklore: Proverbs, Aphorisms, Sayings / comp., trans., introduction. and a comment by T.G. Perevozchikova*. Ustinov: Udmurtia Publ., 1987. 274 p. (In Russ., In Udm.).

6. Hristolyubova L.S. *Family Rituals of the Udmurts (Traditions and Processes of Renewal)*. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1984. 128 p. (In Russ.).

7. Hristolyubova L.S. *Udmurt Customs*. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1995. 212 p. (In Udm.).

8. *Traditional Behavior and Communication of Udmurts*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. 189 p. (In Russ.).

9. Anisimov N.V. *"Dialogue of Worlds" in the Matrix of Udmurt Communicative Behavior*. Philosophy Dr. Diss. (Folklore Studies). Tartu, 2017. 385 p. (In Russ.).

10. Panina T.I. *Word and Ritual in Udmurt Folk Medicine: monograph*. Izhevsk: UIIAL Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 236 p. (In Russ.).

11. Russkih T.N. *The Communicative Behavior of Modern Udmurts*. Izhevsk: AlkyD Publishing House, 2019. 268 p. (In Russ.).

12. Dushenkova T.R. *The Emotionosphere of the Udmurt Linguistic Worldview*. Izhevsk: UdmFIC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. 324 p. (In Russ.).

13. *Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences* (NA UIIAL UdmFIC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). RF. Op. 2-H. D. 1598. 55 p. (In Russ., Udm.).

14. Fedyanovich T.P. *Family Customs and Rituals of the Finno-Ugric Peoples of the Ural-Volga Region (Late 19th Century — 1980)*. Moscow: Nauka, 1997. 184 p.

15. Bayazitova R.R. *Traditional Etiquette of Bashkirs: the Second Half of the 18th — Early 20th Century: History Dr. Diss*. Ufa, 2025. 476 p. (In Russ.).

16. Kasimova D. G. *Family Rituals of the Chepetsk Tatars (the Middle of the 19th — 20th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 300 p. (In Russ.).

17. Munkacsi B. *Folk Customs and Folk Poetry of the Votyaks. From the Estate of Bernhard Munkacsi*. Edited by D. R. Fuchs. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1952. 715 p. (In Germ.)

18. Bayazitova R.R. "The Body" in the Traditional Etiquette of Bashkirs. *Tomsk Journal of LING and ANTR*. 2022. No 4 (38). P. 11–120. (In Russ.).

19. Zakirova I.G. Representation of the Motif of the Soul in the Turkic Epic Tradition. *Bulletin of the Chuvash University*. 2011. No 1. P. 275–279. (In Russ.).

20. *Mordovian Mythology. Encyclopedia*. Saransk: Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia Publ., 2020. 1020 p. (In Russ.).

21. *Komi Mythology*. Moscow: DIK Publishing House, 1999. 480 p. (In Russ.).

22. Russkih T.N. Beliefs, Omens and Magical Practices in Modern Gardening of the Northern Udmurts. *Gardening in Folk Culture: a Collective Monograph*. Izhevsk: UdmFIC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2025. P. 223–233.

23. Vereshchagin G.E. Collected Works: in 6 Volumes. Vol. 1: *The Votyaks of the Sosnovsky Region*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995. 258 p. (In Russ.).

24. Shutova N.I. Funeral Rite of the Udmurts of the 16th — 19th Centuries. *Materials on the Funeral Rite of the Udmurts: Collection of Scientific Works*. Izhevsk: UIIAL Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1991. P. 4–34. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.Н. Русских, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Ижевск, Россия.

Information about the author

T.N. Russkih, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of Historical Research, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.